

УДК 338.2 DOI: 10.14451/1.255.561

Китай как новая экономическая империя: проблемы роста и модели взаимодействия с государствами Глобального Юга

© 2026 Романова Виктория Владимировна

Научный ассистент. Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: rviktoria23@mail.ru

© 2026 Ткачук Анжела Размиковна

Старший преподаватель Кафедры международного бизнеса Факультета международных экономических отношений. Финансовый университет при Правительстве РФ.

E-mail: artkachuk@fa.ru

Ключевые слова: Китай, экономическая империя, Глобальный Юг, асимметричная взаимозависимость, долговая дипломатия, инициатива «Пояс и путь», инфраструктурные проекты, экономический суверенитет.

Актуальность статьи обусловлена трансформацией мирохозяйственных связей под влиянием Китая. Степень разработанности отражена в полярных оценках экспансии КНР. Объект – экономическая экспансия Китая, предмет – модели взаимодействия со странами Глобального Юга. Методология базируется на геоэкономическом подходе и концепции асимметричной взаимозависимости. Практическая значимость заключается в выявлении рисков долговой и технологической зависимости и рекомендациях для стран-партнеров по выстраиванию сбалансированного сотрудничества.

Введение

За последние десятилетия Китай превратился из «мастерской мира» в ведущую экономическую державу и ключевого партнёра для многих развивающихся стран. Актуальность исследования обусловлена стремительным углублением отношений Китая со странами Африки, Азии и Латинской Америки, что ведёт к перестройке традиционных экономических связей. Масштабный объем инвестиций и кредитов на инфраструктурные проекты развивающихся стран

реализуется в рамках инициативы «Пояс и путь». Однако последствия такого сотрудничества носят двойственный характер, вызывая в академической и политической среде споры о реальном влиянии Китая на государства Глобального Юга.

Научная литература предлагает широкий спектр интерпретаций этого феномена. Ряд концепций, таких как неоимпериализм и девиантная глобализация, рассматривают эти отношения как неравные, где сильная сторона получает преимущество за счёт слабой. Другие исследования,

посвящённые «долговой дипломатии» и «ловушке среднего дохода», фокусируются на финансовых и экономических рисках, которые китайские кредиты и инвестиции могут нести для стран-получателей. В противоположность этому, подход в рамках сотрудничества «Юг-Юг» подчёркивает взаимную выгоду и альтернативность китайской модели развития по сравнению с западной.

Проведённый анализ позволил выявить потребность в системном сопоставлении разных форм взаимодействия Китая с партнёрами. Целью данной работы является выявление и анализ ключевых моделей экономического взаимодействия Китая со странами Глобального Юга и оценка их возможных последствий для экономического суверенитета последних. Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнении инфраструктурно-долговой и цифровой моделей на основе их влияния на такие аспекты суверенитета, как контроль над активами и технологическая независимость.

Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на декларируемую взаимовыгодность, преобладающие модели взаимодействия формируют асимметричную взаимозависимость. В её рамках краткосрочные выгоды от китайских кредитов и инвестиций для стран Глобального Юга могут со временем обернуться долгосрочными рисками, ограничивающими их политическую и экономическую самостоятельность. Методология работы основана на качественном анализе и сравнительном изучении конкретных примеров (кейсов), таких как проект порта Хамбантота в Шри-Ланке и цифровая экспансия Китая в Африке, с привлечением данных из открытых источников и научных публикаций.

Внутренние драйверы и ограничения китайской экономической экспансии

Анализ феномена современного Китая в глобальном экономическом пространстве требует выхода за рамки традиционных теорий неоимпериализма, сфокусированных на военно-политическом доминировании и прямом присвоении

ресурсов. Более адекватную перспективу предлагает геоэкономический подход, в котором национальное государство выступает основным игроком, а основным полем конкуренции становятся рынки, технологии и контроль над критической инфраструктурой. В этом контексте Китай реализует стратегию «мягкой» или «асимметричной» империи, где доминирование достигается не через оккупацию территорий, а через создание глубокой, управляемой взаимозависимости. Ключевым инструментом этой стратегии является масштабное кредитно-инвестиционное воздействие в рамках инициативы «Пояс и путь» (BRI), институциональное строительство через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и продвижение собственных технических стандартов (от 5G до цифрового юаня). Китай позиционирует себя не как доминирующую и эксплуатирующую силу, а как «предпринимательскую державу», предлагающую альтернативную модель развития – инфраструктуру в обмен на доступ к ресурсам и рынкам, формируя тем самым центроостремительную сеть экономических и политических связей, ориентированных на Пекин.

Практические мотивы, лежащие в основе этой экспансии, носят системный характер и основываются на структурных особенностях китайской экономической модели. Во-первых, это острая необходимость экспорта избыточных производственных мощностей в таких секторах, как сталь, цемент, алюминий и строительство, накопленных в годы сверхвысоких темпов роста. Финансирование и строительство инфраструктурных объектов за рубежом становится оптимальным каналом для утилизации этих мощностей и поддержки занятости внутри страны. Во-вторых, стратегическая задача обеспечения долгосрочной ресурсной безопасности объясняет высокую активность в регионах, богатых энергосносителями и критически важными полезными ископаемыми (Африка, Латинская Америка, Центральная Азия). Инвестиции в добывающие отрасли и связанную с ними логистику (трубопроводы, порты) призваны диверсифицировать импортные потоки и закрепить снабжение

растущей экономики. В-третьих, создание сухопутных и морских логистических коридоров в рамках BRI – это не только коммерческий проект, но и изменение экономической географии Евразии. Она направлена на снижение уязвимости китайских поставок от ключевых точек морских коммуникаций (например, Малаккского пролива), усиление связей с рынками Европы и Азии и повышение роли внутренних регионов Китая, таких как Синьцзян.

Однако эта мощная экспансия происходит на фоне серьезного внутреннего ограничения – колоссальной долговой нагрузки, которая является структурной чертой китайской модели роста, основанной на кредитной экспансии и инвестициях в основные фонды. Совокупный долг Китая по отношению к ВВП достиг примерно 330% [10], что создает системные риски для финансовой стабильности. Этот фактор не просто сопровождает внешнеэкономическую активность, но и во многом определяет ее характер и интенсивность. С одной стороны, высокий корпоративный долг, особенно в государственном секторе и строительной отрасли, создает для компаний сильное давление искать новые контракты и рынки сбыта за рубежом для обслуживания своих обязательств и получения дохода. Государственные банки, также сдерживаемые портфелем неэффективных кредитов, предоставляют зарубежным проектам кредиты по политическим соображениям, которые в чисто рыночных условиях могли бы быть признаны слишком рискованными. Таким образом, внешняя экспансия становится механизмом отсрочки внутренней долговой реструктуризации, «экспортом» финансовых рисков. С другой стороны, сама эта долговая зависимость делает китайскую экономику уязвимой. Неспособность стран-реципиентов (многих из которых отличает высокая долговая нагрузка и политическая нестабильность) обслуживать выданные Китаем кредиты ведет к рискам списаний долгов, что ослабляет балансы китайских банков и может усугубить внутренний кризис. Это вынуждает Китай идти на реструктуризацию (как в случае с Замбией или Шри-Ланкой), усиливающие его политический контроль над активами-залогами, что входит

в противоречие с официально провозглашаемыми принципами взаимовыгодного партнерства и порождает обвинения в «долговой дипломатии». Таким образом, долг выступает как «двойной драйвер»: он одновременно подстегивает внешнеэкономическую активность как средство решения внутренних проблем и создает для нее значимые внешние риски, заставляя Китай глубже втягиваться в управление экономиками и политикой стран-партнеров для защиты своих инвестиций. Это превращает экономическое взаимодействие в сложное взаимозависимое сосуществование возможностей развития для Глобального Юга и новых форм зависимости, где уязвимость Китая-кредитора уравнивается уязвимостью заемщика, а баланс сил постоянно пересматривается в ходе переговоров о реструктуризации и условиях доступа к ресурсам.

Модели взаимодействия и кейсы: от инвестиций к зависимости?

Инфраструктурно-долговая модель стала ключевым механизмом реализации инициативы «Пояс и путь». Её цель – не только развитие инфраструктуры в странах-партнёрах, но и создание долгосрочных экономических и политических связей, выгодных Китаю. Финансовый механизм основывается на кредитах, которые Китай предоставляет через свои государственные банки, часто с условием, что средства будут потрачены на китайские услуги и оборудование. Это позволяет Китаю поддерживать внутреннее производство, но ограничивает позитивные эффекты для экономики страны-реципиента и увеличивает долговое бремя получателя кредита.

Ярким примером рисков такой модели стал проект порта Хамбантота в Шри-Ланке. Проект, финансируемый китайскими кредитами, изначально считался экономически нерелевантным из-за недостаточного грузопотока. Невозможность обслуживать долг привела к реструктуризации, в рамках которой Шри-Ланка передала Китаю 70% акций порта и права на управление им на 99 лет [11]. Эта сделка спровоцировала споры о существовании «долговой ловушки» – идее о том, что Китай намеренно затягивает страны в долги, чтобы получить контроль над их активами.

Однако ситуация сложнее, чем кажется. Кризис был вызван не только условиями кредита, но и внутренними проблемами Шри-Ланки, включая ошибки в планировании и вопросы прозрачности. Решение о передаче порта стало результатом переговоров, а не одностороннего давления. Тем не менее, этот случай показывает, как инфраструктурно-долговая модель может привести к неравным отношениям: Китай получает выгоды, тогда как страна-заёмщик принимает на себя риски и долгосрочные обязательства. Даже если Китай не стремится к захвату активов, такая модель усиливает его влияние.

Цифровая экспансия как стратегическая модель: экспорт технологий (Huawei), стандартов и модели киберсуверенитета («Цифровой Шелковый путь»)

Цифровая экспансия Китая представляет собой комплексную стратегическую модель, выходящую далеко за рамки простого экономического сотрудничества. Её основу составляет взаимосвязанная модель, включающая технологии, стандарты и систему управления. Ключевым агентом выступает компания Huawei, чьё доминирование в развёртывании сетей 5G в странах Глобального Юга обеспечивает не только экспорт инфраструктуры, но и фактическую привязку стран к китайским технологическим экосистемам и стандартам безопасности данных. Этот процесс реализуется в рамках инициативы «Цифровой Шёлковый путь», направленной на сотрудничество в сфере «умных городов», электронного правительства и национальных центров обработки данных. Важнейшим компонентом является параллельный экспорт концепции «киберсуверенитета» – модели государственного контроля над информационным пространством, основанной на сочетании технологических решений (например, систем фильтрации контента) и нормативных актов. Таким образом, Китай предлагает единую систему, где аппаратное обеспечение, стандарты связи и подход к регулированию формируют полноценную альтернативу западной модели открытого интернета, создавая основу для долгосрочного технологического и политического влияния.

Реакция стран Глобального Юга: спектр от прагматичного партнерства (Пакистан) до сопротивления и пересмотра контрактов (Малайзия). Рост китаефобии как политический риск

Реакция государств Глобального Юга на китайскую цифровую и экономическую экспансию крайне неоднородна и отражает сложный баланс между прагматическими выгодами и опасениями потери суверенитета. С одной стороны, страны, подобные Пакистану, в рамках Коридора Китай-Пакистан демонстрируют пример эффективного тесного партнерства, принимая китайские инвестиции в критическую инфраструктуру и телекоммуникации, несмотря на растущую долговую нагрузку и опасения союзников. С другой – случаи открытого сопротивления и пересмотра условий. Ярким примером является Малайзия, где в 2018–2021 годах под лозунгами суверенитета и финансовой прозрачности были приостановлены и пересмотрены несколько крупных проектов с китайским участием, включая железнодорожную линию East Coast Rail Link. Эти колебания напрямую связаны с нарастающим политическим риском – китаефобией, которая перестает быть исключительно внутренней проблемой Запада. В странах Глобального Юга она проявляется в форме общественного и политического сопротивления, подпитываемого опасениями по поводу долговых ловушек, экологических последствий, невыгодных условий контрактов и импорта китайской рабочей силы, что ставит под угрозу устойчивость всей модели экономической экспансии Пекина.

Заключение

На основании проведённого исследования можно сделать вывод о том, что экономическое взаимодействие Китая со странами Глобального Юга действительно формирует сложную систему асимметричной взаимозависимости. В этой системе краткосрочные выгоды от китайских инвестиций и кредитов для стран-партнёров сопряжены с долгосрочными стратегическими приобретениями Пекина, который укрепляет свои позиции через доступ к ресурсам, рынкам и критической инфраструктуре, предлагая взамен финансирование и технологии. Двойственный

характер этого влияния чётко проявляется в анализе двух ключевых моделей взаимодействия. Инфраструктурно-долговая модель, ярко иллюстрируемая кейсом порта Хамбантога, несёт в себе наиболее прямые риски для экономического суверенитета, потенциально переводя финансовую зависимость в контроль над стратегическими активами. Цифровая экспансия, представляемая «Цифровым Шёлковым путём», создаёт иную, более глубокую форму зависимости – технологическую и нормативную, закрепляя долгосрочное влияние Китая через внедрение его стандартов и экосистем. Устойчивость этой модели в будущем будет определяться двумя взаимосвязанными факторами. С одной стороны, её ограничивает внутренняя уязвимость самой китайской экономики, особенно колоссальная долговая нагрузка, которая вы-

нуждает Пекин балансировать между экспортом финансовых рисков и необходимостью защиты своих инвестиций за рубежом. С другой стороны, растущее недоверие стран Глобального Юга, от открытого партнёрства до пересмотра контрактов и роста китаефобии, заставляют Китай пересматривать условия сотрудничества. Таким образом, дальнейшее развитие отношений КНР со странами Глобального Юга будет зависеть от способности управлять внутренними дисбалансами и готовности пересматривать условия сотрудничества, с одной стороны, и рациональной оценкой долгосрочных экономических эффектов – с другой. Для Китая последствия такого сотрудничества могут в будущем полностью трансформировать правила его экономического партнерства со всем миром.

Библиографический список

1. Волосюк О. В., Кироза Кремелья К. Китай и страны Глобального Юга: экономическое сотрудничество Уругвая и Китая в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 309–321. – EDN: PKVQNA.
2. Дейч Т. Л., Цветкова Н. Н., Кравцов К. С. Развитие африканской цифровой экономики и участие в нем Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-afrikanskoj-tsifrovoy-ekonomiki-i-uchastie-v-nem-kitaya>.
3. Лю Т., Чжан Д. Строительство «мягкой силы» Китая на пространстве центральной Азии: саммит «Китай-центральная Азия» как стратегическая опора // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 9. – С. 311–316. – ISSN 0869-8120. – EDN: LZKTJW.
4. Матвеевский С. Финансирование Китаем глобального юга: роль государственного банка развития Китая в экономике Африки // Азия И Африка сегодня. – 2022. – № 11. – С. 51–57. – ISSN 0321-5075. – EDN: JIJILA.
5. Сафронова Е. И. Китай – Глобальный Юг: актуальная эволюция отношений // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2024. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-globalnyy-yug-aktualnaya-evolyutsiya-otnosheniy>.
6. Хохлова П. А. Внешнеэкономические связи Китая с Глобальным Югом: неокOLONиализм или «всем по справедливости»? // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2025. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshneekonomicheskie-svyazi-kitaya-s-globalnym-yugom-neokolonializm-ili-vsem-po-spravedlivosti>.
7. Цю Ш. Гуманитарная помощь Китая африканским странам в рамках форума «Китай – Африка» // Конфликтология / Nota Bene. – 2025. – № 3. – С. 56–69. – ISSN 2409-8965. – EDN: NZVZSS.
8. Чжицзин Х. Геоэкономические и интеграционные измерения инициативы «Один пояс – один путь» в Центральной Азии: от стратегического партнерства к формированию макрорегиона // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoekonomicheskie-i-integratsionnye-izmereniya-initsiativy-odin-poyas-odin-put-v-tsentralnoy-azii-ot-strategicheskogo-partnerstva-k>.
9. China's Digital Economy: A Leading Global Force / McKinsey & Company. – 2023. – URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/china/chinas%20digital%20economy%20a%20leading%20global%20force/mgi-china-digital-economy-2023.pdf> (visited on 01/28/2026).
10. Global Debt Monitor: A Shock to the System. – 2024. – URL: https://www.iif.com/Portals/0/Files/content/Global%20Debt%20Monitor_Jan2024_vf.pdf (visited on 01/25/2026).
11. How China Got Sri Lanka to Cough Up a Port / The New York Times. – 2018. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/25/world/asia/china-sri-lanka-port.html> (visited on 01/20/2026).